

Н. М. ДЫЛЕВСКИЙ

Фраза «Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе, и на канину зелену паполому постла, за обиду Олгову, храбра и млада Князя» в тексте «Слова о полку Игореве»

Значение и перевод фразы *«Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе, и на канину зелену паполому постла, за обиду Олгову, храбра и млада Князя»* (15—16) в тексте «Слова о полку Игореве» остаются все еще неутвержденными окончательно в его публикациях и вызывают необходимость остановить на них более пристальное внимание.

Сжатые рамки статьи не позволяют подвергнуть развернутому обзору и разбору многочисленные редакции толкования и перевода этого места в тексте «Слова» и вынуждают ограничиться наиболее существенными замечаниями в их адрес.

Публикаторами первого издания «Слова» эта фраза была прочтена: *«Бориса же Вячеславлича слава на судъ привела; он положен на конскую попону зеленую за обиду молодого храброго Князя Олега»* (15—16). Почти совпадающими были прочтения в переводах Екатерининской копии: *«Бориса же Вячеславлича слава привела на суд. Он положен на зеленую конскую попону за обиду Ольга младаго храброго Князя»* и в бумагах Малиновского: *«Бориса же сына Вячеславова, слава на судъ привела. Он положен был на конскую попону зеленую за обиду Олега молодого храброго Князя»*.¹

В дальнейших публикациях и переводах «Слова» в фокус внимания комментаторов и переводчиков этой фразы попали преимущественно словосочетание *на канину* (*на Канину*) и слово *паполома*. Словоформа *же постла* не подвергалась аргументированному грамматическому и лексическому анализу. Не была окончательно и обоснованно определена соотношение сказуемого *постла* к дополнениям *на канину* или *Бориса Вячеславлича*. Все еще не установленной продолжает быть морфологическая квалификация словоформы *на канину* — винительного падежа исходного существительного собственного *Канина* или притяжательного прилагательного от гидронима *Канин*. А от морфолого-грамматической характеристики слова *канина* (*Канина*) зависит его понимание и переложение на современный русский язык. В подведении твердого семантического фундамента нуждается и слово *слава*, не вызывающее на первый взгляд трудностей в его понимании, но предьявляющее некоторые затруднения в подыскании наиболее адекватного словарного заместителя. К сказанному подключаются и некоторые

¹ Дмитриев Л. А. История первого издания «Слова о полку Игореве»: Материалы и исследование. М.; Л., 1960. С. 319, 353.

привходящие текстологические соображения, создающие добавочную нагрузку в процессе истолкования разбираемой фразы текста «Слова».

Окончательная редакция пассажа, вопреки многочисленности ее вариантов в публикациях «Слова» и его переложений на современный русский язык, нуждается в пересмотре, опирающемся на всесторонне взвешенную грамматическую и семантическую аргументацию.

Свои рассуждения я не в состоянии предварить ретроспективным обозрением всего сказанного об интересующем нас выражении «Слова» и ограничусь в качестве иллюстрации наиболее авторитетными его воспроизведениями средствами современного русского языка: Шамбинаго и Ржиги (1934), Лихачева, Дмитриева и Творогова (1967) и Мещерского (1985).

«Бориса же Вячеславича похвальба на суд привела, и на ковыль зеленую погребальный покров постлала за обиду Олегову, храброго и молодого князя» (Шамбинаго и Ржига, 1934).

«А Бориса Вячеславича слава на смерть привела, и на Канине зеленую наполому постлала за обиду Олега, храброго и молодого князя» (Дмитриев, Лихачев, Творогов, 1967).

«А Бориса Вячеславича слава на суд привела и на Канине зеленый плащ ему постлала за обиду Олега — храброго и молодого князя» (Мещерский, 1985).

Предлагаемый пересмотр передачи пассажа средствами современного русского языка выиграет в наглядности и убедительности при расчлененности его на семантико-синтаксические части, образующие целостный контекст.

Начнем наш разбор с начальной части пассажа: *«Бориса же Вячеславича слава на суд приведе...»* в его современном русском языковом облике.

Борис Вячеславич — эпизодическое лицо в «Слове», о котором оно сообщает весьма скупymi словами. О нем мы узнаем из текста «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку под 1078 г. — о его гибели в битве на Нежатиной Ниве. Это обстоятельство должно быть учтено при истолковании значения слова *слава*, внимание на которое обратим далее. Суть летописного рассказа сводится к тому, что в ответ на призыв князя Олега, упоминаемого в пассаже «Слова», к благоразумию и воздержанности от битвы с четырьмя противниками-князьями Борис Вячеславич с самонадеянностью возразил Олегу и «похваливсья велми» своею силою — «противностью им» и готовностью сразиться, «не ведый яко Бог гордым противится», а «смирненным даеть благодать, да не хвалиться силный силою своею». И в «злой сече» — этом «суде Божиим» — пал превосносивший своим воинским превосходством и одержимый славолюбием наказанный смертью князь Борис Вячеславич.

Слово *слава* было перенесено из подлинника рукописи в переводы издания 1800 г., Екатерининской копии и в бумагах Малиновского. Сохранено оно и в переводах позднейших авторов: Капниста, Жуковского, Вельтмана, Гербеля, Деларю, Мея, Майкова и других, а также современных: Орлова, Шамбинаго—Ржиги, Шторма, Гудзия, Новикова, Заболоцкого, Ботвинника, в коллективном переводе Дмитриева, Лихачева, Творогова и в переводе Мещерского в «Библиотеке поэта».

Другими переводчиками в качестве эквивалента слова *слава* в тексте Игоревой поэмы были использованы слова: *похвальба* (Келтуяла, Югов, Головенченко, Степанов, Ботвинник, Бирукова, Рыбаков); *хвальба* (Бальмонт); *бахвальство* (Ботвинник); *судьба* (Басов—Верхоянцев); *храбрость* (И. Шкляревский); *слава-похвальба* (Якобсон); *похвальба* и *лихость* (Ботвинник, 1985) и др.

Уместность ни одной из приведенных выше лексем не была мотивирована соображениями семантического и стилистического порядка и не была

подчинена нормативности. Привлечение их было результатом и продуктом языкового и поэтического чутья переводчика. Вот почему наши поиски наиболее лексико-стилистически весомого современного соответствия слову *слава* в обследуемом пассаже текста должны опереться на обоснованную лексическую и грамматическую убедительность.

Наше внимание в выборе наиболее подходящего эквивалента слова *слава* в переводе следует остановить прежде всего на возможности его сохранения в современном русском тексте. Такой прием приблизил бы максимально текст перевода к подлиннику без каких-либо подстановок. На мой взгляд, слово *слава* можно оставить неизменным, так как его смысловой подтекст ощутимо выявлен фразовым контекстом. *Слава* в данном выражении не увенчание ею, а устремление к ней Бориса Вячеславича. В ее интерпретации ощущается оттенок негативности, направленной на наказующую «десницу Божию». Это — слава кичливого феодала, а не «родолюбивого» сына своего Отечества. Смысл слова достаточно уловим и не нуждается в догадках, в переводе оно приобретает ощутимые права гражданства.

Переходим к рассмотрению и оценке предлагаемых переводчиками эквивалентов слова *слава* в протографе.

На очереди однокорневые слова *похвальба*, *хвальба*, *бахвальство* различного оформления, в критическую оценку которых следует внести соображения логического, фактического и стилистического порядка.

Сопоставляя их со словом *слава* в Игоровой поэме, необходимо напомнить уже отмеченное, что в подлинном тексте ударение делается не на *х в а с т в о* Бориса Вячеславича, ничем словесно не выраженное, а на овладевшее им *желание славы, славолюбие*. О похвальбе его мы черпаем сведения отнюдь не из текста «Слова», а из рассказа летописи! Бросается в глаза и стиливое несоответствие слов этого гнезда — разговорно-просторечных, не гармонирующих со стиливым обликом слова *слава*. Вот почему над фактическим и стиливым расхождением слов *похвальба*, *хвальба* и *бахвальство* со словом *слава* подлинного текста следует призадуматься.

В отношении слова *судьба* как заместителя слова *слава* следует заметить, что это непокрывающиеся понятия. Прошедшее с Борисом Вячеславичем не случайная игра судьбы, а прямое следствие домогательства князем воинской славы, завершившегося трагическим концом.

Первопричиной, по летописи и по «Слову», повлекшей гибель Бориса Вячеславича, была не его *храбрость*, а кичливость одолением врагов, гордыня, караемые Провидением. Храбрость оказалась лишь пружиной, приведшей в действие рожденное тщеславием Бориса Вячеславича — славой! Вот почему неправомерность замены слова *слава* словом *храбрость* более чем очевидна. Неудачны и слова *похвальба* и *лихость*, не уравновешивающиеся с оригиналом.

Мне представляется, что после слова *слава* содержащими наиболее рациональный заряд следует считать заместители — *славолюбие* и *тщеславие* с морфемами (корневой и суффиксальной), тождественными корневой морфеме *слав-* слова *слава*. Хорошо вписывается в контекст и словосочетание *жажда славы* (как в переводе А. Чернова, 1978), в котором слово *жажда* может быть заменено и архаическим *алчба* (*альба*, XI в.).

Слово *судь*, подразумеваемый «Суд Божий» — смертная кара, ясно по смыслу и сохраняется в переводах; объяснение его принадлежит комментатору. Глагол-сказуемое *приведе* (аорист) понятен.

В итоге начальной предложение пассажа может получить следующие переводные варианты: *Бориса же Вячеславича слава на суд привела; ...славолюбие на суд привело; ...тщеславие на суд привело; ...жажда (алчба) славы на суд привела.*

Выражение «и на канину зелену наполому постла» было неправильно понято еще первыми публикаторами «Слова» и вызвало многочисленные конъектуры исследователей, опровергнутые известными в наши дни данными. Трудность создали толкование предложного словосочетания *на канину*, установление первообразной формы (*на*) *канину* и квалификация ее грамматической принадлежности. Нелегким оказалось и ее соотнесение с основным ядром пассажа. Отправная форма предложного словосочетания *на канину* восстанавливается предположительно и сводится к двум разновидностям: *Канина* — *Канин* — имя существительное собственное (гидроним) и *канин* (*Канин*) — прилагательное притяжательное, от трактовки которых зависит и их перевод. Возможность существования речного имени *Канина*, не засвидетельствованного в анналах древнерусской гидронимии, подтверждается наличием его в средневековой славянской номенклатуре и наличием такой реки на территории современной Болгарии, в ее юго-западной части. В противовес этому гидроним *Канин* назван в тексте летописи, что делает его достоверным, вопреки отсутствию обоих наименований в «Книге Большому чертежу» (1627 г.), отметившей гидронимы аналогичной морфемной структуры *Орчин* и *Лопина*. Эта констатация подтверждает правильность прочтения разбираемого места первыми издателями, не понявшими, однако, его смысла.

Слово *наполома* (среднегреч. *πάλλωμα*) — общеславянское заимствование, известное языку эпохи Игоровой поэмы. Комментаторов и переводчиков «Слова», не ощутивших полностью иносказательности образа, смутило определение к слову *наполома* — *зеленая*, претящее ее скорбному погребальному предназначению. *Черной* в буквальном значении *наполома*, однако, названа в Сне Святослава. Наиболее близкие ее современные соответствия: *покров*, *погребальный покров*, *покрывало*, *саван*. В тексте «Слова» *зеленая наполома* — зеленая мурава прибрежной луговины *Канина* или *Канины*, ставшая смертным ложем и покровом убитого Бориса Вячеславлича.

Опорными словами двух основных предложений пассажа являются глаголы-сказуемые *приведе* ~ *постла*, ошутимо выделяющиеся в его конструктивной схеме, грамматический и смысловой параллелизм которых является характерной чертой текстовой архитектуры «Слова» вообще:

Бориса же Вячеславлича *слава на судъ приведе*
и на канину...*постла*

При такой дислокации и трактовке словарных компонентов пассажа перевод склоняется скорее в сторону отнесенности глаголов-аористов *приведе* ~ *постла* к единому объекту — *Борису Вячеславичу*.²

В заключение не могу не сослаться на редкое значение глагола *постла* — *постлати* (*постълати*) — ‘повергнуть замертво’, ‘уложить’, обнаруженное мною за много лет до написания статьи в славянском переводе библейских книг Юдифь (14, 4) и 2 Маккавейской (15, 27).³

Так, в Книге Юдифь «постилание» — истребление, умерщвление, «повержение» умерщвленными врагов повелевается словами: «...*постилайте* я по путем их» — «*поражайте их на пути*» в русском переводе, в среднегреч. тексте *καταπρίσσετε αὐτοὺς*. А во 2 книге Маккавейской говорится: «И руками оубо борящися, сердцемъ же къ Богу молящися, *постлаша* не менше тридесяти тысящъ» — «они *избили* не менее тридцати тысяч», в

² Ср. «И на конскую зеленую попону *положила*» (Капнист); «и на злачное ложе *повергла*» (Деларю); «Уложила его на смертный зеленый покров» (Павлов—Бицын).

На такое значение глагола *постла* обратили внимание А. Югов и М. Щепкина.

среднегреч. тексте *κατέστρωσαν* < *καταστρωσῶντι*, в латинском *prostraverunt* < *prosterno*.⁴

Это значение глагола *постла* в текстах Книг — Юдифь и 2 Маккавейской ставит на принадлежащее ему место грамматическое дополнение — *Бориса же Вячеславлича* и проясняет перевод фразы.

Приложение *храбра* и *млада* Князя относится к Борису Вячеславличу, так как трудно предположить, что знакомство со сказанным Лаврентьевской летописью о позорно бежавшем с поля битвы князе Олеге позволило бы автору «Слова» охарактеризовать Олега таким превозносящим эпитетом.

Поддержанные значением глагола *постла* в Книгах Юдифь и 2 Маккавейской и возможностью считать словоформу (*на*) *канину* притяжательным прилагательным, можем позволить себе предложить следующую редакцию перевода (с разночтениями) разбираемого пассажа «Слова о полку Игореве»:

«Бориса же Вячеславича, храброго и молодого князя, *слава* (*славолюбие, тщеславие, жажда, алчба славы*) на суд привела и на *Канин зеленый покров* (на Канину зеленую мураву) *замертво повергла* (*уложила*) за обиду Олегову (Олега)».

⁴ Этой справкой я обязан любезности доцента Софийской духовной академии Ивана Желева.